

СООБЩЕНИЯ

Всеобщая стачка во Франции в 1947 году

А. Усвятцов

Послевоенное рабочее движение в капиталистических странах развивается в условиях роста и обострения противоречий между лагерем демократии и лагерем империализма. Борьба между этими лагерями с особенной силой сказалась в послевоенной Франции, она определяет все политические и социально-экономические отношения современной Франции.

Положение рабочего класса в послевоенной Франции характеризуется широким наступлением финансовой олигархии на права и жизненный уровень рабочего класса и всех трудящихся.

Особое место в ограблении рабочего класса занимает политика повышения цен на предметы широкого потребления при постоянном и значительном отставании заработной платы от роста цен.

Накануне освобождения Франции от немецких фашистов, в период существования предательского правительства Петена — Лавалля, заработная плата рабочих составляла 59,5% довоенного уровня (уровня 1938 г.). После освобождения от немецкой оккупации под давлением рабочего класса заработная плата стала подтягиваться и в октябре 1944 г. достигла 79,4% от уровня 1938 года. Наметились дальнейшее движение к выравниванию заработной платы по отношению к ценам. Так, реальная заработная плата в апреле 1945 г. уже составляла 96,6% по отношению к 1938 году¹.

Но эта намечавшаяся тенденция была сведена на нет с усилением позиций американского капитала во Франции.

После второй мировой войны американский капитал занял монопольное положение во французском импорте. Пользуясь этим, США в октябре 1945 г. подняли цены на импортируемые товары на 40%. Послушные Уолл-стриту правители Франции 26 декабря 1945 г. провели девальвацию франка. Франк был сразу обесценен в 2,4 раза — с 50 до 119 франков за доллар².

Столь резкое обесценение франка не могло не привести к ухудшению положения широких трудящихся масс и в первую очередь рабочего класса, заработная плата ко-

торого с этого времени катастрофически падала³.

Применяя такой ощутимый и неприкрытый метод ограбления рабочего класса и широких трудовых масс, как безудержное повышение цен, французская финансовая олигархия не рассчитывала собственными силами справиться с рабочим классом и демократическим движением в стране. Подобно тому, как десять лет назад правители Франции, «дав себя запугать призраком революции», с перепугу положили под ноги Гитлера свою родину, отказавшись от сопротивления⁴, так после второй мировой войны правители Франции из страха перед рабочим и демократическим движением положили страну под ноги финансовой олигархии США. В американском империализме современные «версальцы» рассчитывали обрести ту самую силу, которая могла бы им заменить гитлеровский «порядок», на который французская финансовая олигархия опиралась в борьбе против народа во времена гитлеровской оккупации.

При таких условиях борьба рабочего класса за свои непосредственные интересы, за свободу, за хлеб с самого начала переплелась с общенациональными интересами французского народа в его борьбе за неза-

³ Об этом с достаточной убедительностью говорят следующие данные:

— Индекс цен и заработной платы
(1938 г. = 100)

	Индекс почасовой заработной платы	Индекс цен по 34 предметам первой необходимости	Реальная заработная плата в % к 1938 г.
Июль 1945 г.	370	398	93,0
Июль 1946 г.	407	577	70,5
Январь 1947 г.	530	856	61,9
Ноябрь 1947 г.	650	1 336	48,6

Журнал «Servir la France» за апрель 1948 г., стр. 819.

⁴ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 20. ОГИЗ. Госполитиздат. 1946.

¹ «Nouvelles Économiques» № 137 за 1947 год.

² Там же.

висимость своей родины. Это обстоятельство только подчёркивало политическое значение экономических боёв французского пролетариата, как борьбы против лагеря империализма, против поджигателей новой мировой войны, носителей бредовых идей колониального порабощения свободолюбивых народов Европы и всего мира.

Какими же силами и средствами располагала финансовая олигархия после освобождения Франции? Опираясь на поддержку англо-американских оккупационных войск, французская финансовая олигархия сохраняла в стране свои основные экономические позиции, равно как и государственный аппарат, где восседали её доверенные лица.

На арене обострённой классовой борьбы под старыми и новыми названиями действовали основные политические силы буржуазии, её партийные фракции: партия генерала де Голля, впоследствии так называемая РПФ, католическая реакционная МРП и другие партийные группировки, вплоть до радикалов. Что касается французской социалистической партии, то её лидеры Блюм, Рамадье, Мок и иные с ними с первых же дней после освобождения Франции показали финансовую олигархию, что она может смело положиться на них, как на свою агентуру в рабочем движении.

Лагерь реакции противостоял в стране выросшие в борьбе силы демократического лагеря, спланивающегося вокруг рабочего класса и его коммунистической партии. Об этом, в частности, свидетельствуют проведённые в октябре 1946 г. выборы в Национальное собрание, которые показали, каким огромным влиянием пользуется в народе коммунистическая партия.

Располагавший экономической и политической властью, разветвлённым государственным аппаратом, американскими долларами и многочисленным штатом пропагандистов и проповедников, антидемократический лагерь в процессе проведения избирательной кампании мобилизовал против коммунистов все свои силы и средства.

Продажная реакционная пресса во главе с газетой Блюма «Попюлер» открыла бешеную кампанию против коммунистической партии и её генерального секретаря Мориса Тореза.

Однако выборы опрокинули все расчёты империалистического лагеря. Компартия имела выдающийся успех, получив наибольшее количество голосов (5750 тыс.)⁵, 183 коммуниста-депутата, за которых голосовала треть населения, представляли в Национальном собрании трудовой народ Франции.

После выборов Национального собрания в стране создался правительственный кризис.

⁵ Социалистическая партия получила 102 депутатских места, на 24 места меньше по сравнению с выборами во II Учредительное собрание (2 июня 1946 г.) и на 35 мест меньше по сравнению с I Учредительным собранием (21 октября 1945 г.); МРП собрала 5033 тыс. голосов, на 550 тыс. меньше, чем при выборах во II Учредительное собрание; в Национальном собрании эту партию представляли 164 депутата.

В соответствии с парламентскими традициями французская коммунистическая партия, как партия, получившая наибольшее количество голосов и первая по численности своих депутатов в Национальном собрании, заявила, что она берёт на себя ответственность за осуществление руководства в правительстве, и в качестве кандидата на пост премьер-министра выдвинула своего генерального секретаря Мориса Тореза.

Этой кандидатуре антидемократический блок финансовой олигархии, в котором сплелись все партии реакции, противопоставил кандидатуру бывшего премьер-министра Бидо (партия МРП).

Кандидатура Мориса Тореза на пост главы правительства не получила необходимого количества депутатских голосов. Однако и кандидатура Бидо получила на 19 голосов меньше, чем кандидатура Тореза, и, таким образом, план лагеря реакции, проводившего формирование правительства под лозунгом «правительство Бидо без Тореза», т. е. правительство без коммунистов, провалился.

Лишь 16 декабря 1946 г. по поручению парламентского большинства Леон Блюм сформировал однопартийное правительство, куда вошли одни «социалисты». Чтобы показать видимость осуществления политики улучшения положения рабочего класса и других слоёв населения, правительство Блюма объявило о снижении цен на 5%. Это 5-процентное снижение цен при условии, когда за 1946 г. цены возросли на 70%, а номинальная заработная плата — лишь на 25%, рекламировалось кликой Блюма как начало эры снижения цен. Действительная сущность 5-процентного снижения цен, рассчитанного на успокоение умов, хорошо выражается французской поговоркой: «*Donner un oeuf, reprendre un boeuf*» («Дать яйцо, забрать быка»).

Политика правительства Блюма на деле служила продолжением той же политики финансовой олигархии, которую проводил кабинет Бидо. Правительство Блюма было временным: его полномочия, согласно конституции, кончались с избранием президента (16 января 1947 г.), но это правительство могло остаться и после избрания президента. Однако, просуществовав месяц (с 16 декабря 1946 до 16 января 1947 г.), правительство Леона Блюма подало в отставку.

Уход в отставку правительства Блюма был вызван тем, что оно не выдержало напора рабочего класса. Но, уходя в отставку, правые социалисты, эти прожжённые политики, понимали, что, занимая в Национальном собрании третье место, они при сложившемся соотношении сил неизбежно будут определять любую правительственную комбинацию.

После ухода в отставку правительства Блюма коммунисты предложили социалистам сформировать правительство из социалистов и коммунистов, поскольку, вместе взятые, они представляли парламентское большинство. Однако правые лидеры социалистов отказались от этого предложения.

16 января 1947 г. Рамадье был вынужден сформировать правительство из представителей трёх партий (МРП, социалисты и ком-

мунисты). Коммунисты вошли в правительство, чтобы дополнить массовое движение рабочего класса давлением и контролем сверху, в самом правительстве.

Таким образом, требование, которое настойчиво предъявляли французской финансовой олигархии империалисты США, — правительство без коммунистов — всё ещё оставалось невыполненным. За выполнение этого требования заокеанских хозяев взялись опять-таки лидеры правых социалистов. Под предлогом «министерского несогласия» премьер-министр Рамадье 7 мая 1947 г. произвёл реорганизацию кабинета, удалив из него коммунистов. Теперь в правительство входили «социалисты» из клики Блюма — Рамадье — Мока, лидеры МРП, деголлецы и представители других реакционных группировок.

Своё содружество с реакционной католической партией МРП лидеры правых социалистов пытались прикрыть проповедью политики «третьей силы». «Философия» этого предательства сводилась к тому, что союз МРП и социалистов якобы представляет ту «третью силу», которая способна найти золотую середину в борьбе между лагерем демократии, возглавляемым Советским Союзом, и лагерем империализма, возглавляемым США; что внутри самой Франции эта «третья сила» якобы способна вести борьбу на два фронта: против угрозы деголлизма, с одной стороны, и против коммунизма — с другой.

Пропаганда «третьей силы» была призвана замаскировать единовластие Блюма, МРП и де Голля по основным вопросам политики, проводимой по указке Уолл-стрита: закабаление Франции, превращение её в военно-стратегический придаток воинствующего американского империализма и разгром при его помощи коммунистической партии и демократического движения в стране.

Ещё в сентябре 1917 г. разоблачая классовую сущность правительства Керенского — Коновалова, И. В. Сталин показал ту роль, которую империалистическая реакция отводит «социалистам»: «Правительство Керенского — Коновалова есть правительство войны и буржуазной диктатуры... То, что хотел провести Корнилов прямо и по-генеральски просто, «новое» правительство (правительство «социалиста» Керенского и капиталиста Коновалова. — А. У.) постарается осуществить постепенно и без шума, руками самих же «социалистов»... диктатура буржуазии есть диктатура тайная, скрытая, закулисная, нуждающаяся в том или ином благовидном прикрытии для обмана масс»⁶. Эти слова товарища Сталина можно целиком и полностью отнести к трубадурам политики «третьей силы» в современной Франции.

Инспирируемое Блюмом правительство «социалиста» Рамадье и Шумана — лидера МРП, ставленника крупного банка «Братья Лазар», — правительство войны и буржуазной диктатуры, должно было постепенно и без шума, руками самих «социалистов», осуществить то, что де Голль хотел провести «по-генеральски» прямолинейно. Такова была цель предательской деятельности лиде-

ров правых социалистов в послевоенной Франции. Открытым содружеством с реакционной партией МРП, негласным союзом с фашистским сбродом де Голля, удалением коммунистов из правительства, своей раскольничьей политикой клика Блюма — Рамадье — Мока подготовила и начала осуществлять ещё невиданное наступление на жизненный уровень и права трудящихся масс.

Если правительство Блюма довело реальную заработную плату до нищенского уровня, на каком она находилась при марионеточном правительстве Петэна — Лавалья во времена гитлеровской оккупации, то правительство Рамадье снизило её до такого уровня, какого рабочий класс до тех пор ещё не знал: реальная заработная плата к концу существования правительства Рамадье (ноябрь 1947 г.) составила 48,6% по отношению к 1938 г.⁷

За счёт небывалого ограбления рабочего класса и роста его нищеты клика Блюма — Рамадье — Мока обеспечила магнатам финансовой олигархии колоссальные прибыли. Официальные, разумеется, сильно преуменьшенные, данные о чистых прибылях 100 акционерных компаний, по их отчётам, свидетельствуют, что прибыль этих монополий возросла с 1 210 844 франков в 1945 г. до 4 200 396 франков в 1947 г.⁸, т. е. в три с половиной раза, при одном и том же золотом паритете франка⁹.

В 1938 г. доля крупного капитала в национальном доходе составляла 29%, доля заработной платы — 45%. К концу 1947 г. доля крупного капитала в национальном доходе достигла 42,5%, доля заработной платы упала до 40,5%¹⁰. Следует при этом иметь в виду, что уровень производства и уровень занятости рабочего класса в 1938 и в 1947 г. были одинаковы¹¹. Стало быть, уже в 1947 г., в течение которого послевоенной Францией «благополучно» правили пророки «третьей силы» — Блюм и Рамадье, — прибыль «двухсот семей» французской финансовой олигархии превысила всю сумму заработной платы рабочих и служащих, составляющих вместе с семьями 60% населения страны.

В сентябре 1917 г. разоблачая русских меньшевиков, вскрывая сущность «регулирования экономической жизни» государствами передовых капиталистических стран — кайзеровской Германии и Соединёнными

⁷ «Servir la France» за апрель 1948 г., стр. 819.

⁸ «Notes Economiques» № 29. 1948.

⁹ Как писал Ленин, цитируя немецкий журнал «Банк», данные о прибылях монополий подвергаются особенной фальсификации, и балансы монополий «похожи на те известные из эпохи средних веков палимпсесты, на которых надо было сначала стереть написанное, чтобы открыть стоящие под ними знаки, дающие действительное содержание рукописи» (В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 217. 4-е изд.).

¹⁰ «Le Peuple» № 217. 1948.

¹¹ «Etudes et Conjoncture d'Union Française», № 14—15—16. 1947, p. 28.

Штатами Америки, — В. И. Ленин писал: «И Америка и Германия «регулируют экономическую жизнь» так, чтобы рабочим (и крестьянам отчасти) создать военную каторгу, а банкирам и капиталистам рай. Их регулирование состоит в том, что рабочих «подтягивают» вплоть до голода, а капиталистам обеспечивают (тайком, реакционно-бюрократически) прибыли выше тех, какие были до войны»¹².

С тех пор, как Ленин писал эти строки, прошло более трёх десятилетий. Но как они злободневны и теперь! Их можно полностью отнести к современной Франции.

Естественно, что по мере усиления господства американского капитала и наступления реакции на жизненный уровень и права рабочего класса забастовочное движение во Франции принимало всё более широкий размах.

В условиях обострённых классовых боёв между лагерем демократии и лагерем империализма массовые забастовки во Франции явились средством борьбы не только за улучшение экономического положения рабочего класса. Направленное непосредственно против собственной финансовой олигархии, организованное массовое стачечное движение является вместе с тем мощным пролетарским средством борьбы против лагеря империализма, против ига американских колонизаторов, за мир, за национальную независимость и демократию во Франции.

В мае 1947 г. объявили забастовку 30 тыс. рабочих завода Рено. С 6 по 12 июля происходила всеобщая забастовка железнодорожников, в которой участвовало 483 тыс. рабочих. Эта забастовка привела к потере 3864 тыс. рабочих дней. С 25 июня по 1 июля развернулась забастовка шахтёров. Начавшись на севере Франции, она охватила затем другие угольные бассейны страны. В забастовке участвовало 275 тыс. шахтёров. В результате этой забастовки угольная промышленность потеряла 620 тыс. рабочих дней. С 19 июня по 2 июля бастовало 120 тыс. банковских служащих. В результате этой забастовки было потеряно 1200 тыс. рабочих дней. Эти забастовки, по официальным данным, привели к потере 5684 тыс. рабочих дней¹³. Имело место также много других забастовок различных групп рабочего класса по всей Франции.

Если в 1946 г. среднемесячное количество участников забастовок составляло 15 тыс. с общим количеством 32 200 потерянных рабочих дней, то за первые 7 месяцев 1947 г. среднемесячное количество бастующих возросло до 239 100, а количество потерянных рабочих дней — до 6 416 400¹⁴. Только в июне 1947 г. забастовочным движением было охвачено 1115 тыс. рабочих.

Особенно широкий размах забастовочное движение приняло к концу 1947 года. С 13 ноября по 10 декабря во Франции развернулась грандиозная всеобщая забастовка, в которой участвовало около 3 млн. ра-

бочих. Эта забастовка явилась мощным протестом рабочего класса против режима голода и лишений, против антинародной политики финансовой олигархии и её правителей.

В течение трёх месяцев, предшествовавших забастовке, цены в стране поднялись на 30%, в то время как номинальная заработная плата возросла лишь на 11%. Правительство «социалиста» Рамадье, пришедшее к власти в январе 1947 г., обещало провести общий пересмотр заработной платы в апреле 1947 г., затем отложило выполнение своего обещания на июнь и, наконец, на декабрь 1947 года.

После неоднократных и безрезультатных обращений к правительству Рамадье Всеобщая Конфедерация Труда (ВКТ) в начале октября 1947 г. предъявила правительству следующие требования: установить минимальный прожиточный минимум в сумме 10 800 франков в месяц с соответствующим начислением по существующему коэффициенту шкалы заработной платы; принять действенные меры против снижения заработной платы, повышения цен и спекуляции; впредь до установления соглашения по прожиточному минимуму увеличить заработную плату на 25%; гарантировать покупательную способность заработной платы путём её пересмотра через каждые три месяца; принять на работу безработных.

Эти условия Национальный комитет ВКТ поставил на широкое обсуждение профсоюзных организаций, причём сами рабочие должны были решить вопрос о том, какие меры следует принять, если правительство откажется удовлетворить эти законные требования.

Первыми сказали своё слово пролетарии Марселя, начав забастовку 12 ноября. Непосредственным поводом к объявлению забастовки послужило повышение цен на проезд в трамвае. На демонстрации, организованной профсоюзами в знак протеста против повышения цен, были арестованы профсоюзные активисты. Рабочие направились во Дворец юстиции и освободили арестованных. На последовавших затем демонстрациях полиции «социалиста» Мока был убит 20-летний рабочий Вулан. В ответ на провокационные действия реакции большинство профсоюзных организаций включилось в забастовку.

Забастовка марсельских рабочих, начавшись с движения по частному поводу, быстро переросла в борьбу за осуществление требований ВКТ. Когда же правительство бросило против бастующих полицейские отряды и военные части, забастовка приняла всеобщий характер. Рабочие заняли предприятия, моряки и докеры — порт и доки. Бастующие перекрыли различными препятствиями дороги, ведущие в город, задерживая таким образом прибытие в город правительственных подкреплений.

Демонстрации и забастовка в Марселе нашли немедленный отклик среди рабочих всей страны. Спустя несколько дней после начала марсельской забастовки министр промышленности «социалист» Лагост, стремясь ограничить число представителей рабочего

¹² Ленин. Соч. Т. 25, стр. 309.

¹³ «Etudes et Conjoncture...», № 14—15—16, 1947, р. 26, 29.

¹⁴ Там же.

класса в административных советах национализированных отраслей промышленности, лишил мандата управляющего шахтой в Пад-Кале профсоюзного активиста Дельфоса. Узнав об этом, шахтёры, работавшие вместе с Дельфосом, немедленно прекратили работу. В течение нескольких дней забастовка охватила весь угольный бассейн севера Франции (департаменты Нор и Па-де-Кале), а затем и все шахты страны.

Рабочие других отраслей промышленности организованно начали присоединяться к забастовке. Вслед за профсоюзом моряков и портовых грузчиков к забастовке присоединились рабочие 25 крупнейших металлургических предприятий Парижского района. Спустя несколько дней в забастовочное движение влился миллионный отряд французских металлистов.

25 октября 1947 г., между 16 и 17 часами, в забастовку включились рабочие и служащие коммунального хозяйства, пищевой, химической, фармацевтической, бумажно-картонной, стекольной, кожевенной, строительной и ряда других отраслей промышленности.

Всеобщая забастовка с первых же дней смывала правительство Рамадье, на смену которому пришёл кабинет во главе с лидером реакционной МРП Робером Шуманом. Финансовая олигархия сохранила и в этом правительстве своих верных «социалистических» слуг на первых ролях.

26 ноября Шуман обратился к бастующим с призывом приступить к работе, пообещав временную надбавку к заработной плате рабочим Парижа в размере 1500 франков в месяц, а служащим — 1125 франков. Эта надбавка соответствовала увеличению заработной платы в среднем на 8%, тогда как бастующие требовали повышения на 25%. В тот же день 18 национальных профсоюзных федераций, входящих в ВКТ, отвергли предложение правительства, расценив эти предложения как попытку расколоть всеобщую забастовку.

Правительство разработало ряд мероприятий, рассчитанных на подавление забастовки, в частности, решило объявить мобилизованными рабочих и служащих шахт, железнодорожного транспорта, почты и телеграфа, портов и т. д. За нарушение этих правительственных мероприятий виновные должны были привлекаться к суду военных трибуналов. В ответ на это 28 ноября 20 национальных профсоюзных федераций, объединяющих 4 млн. человек, создали центральный стачечный комитет для координации действий бастующих и защиты их прав. Руководство центральным стачечным комитетом было поручено генеральному секретарю национальной профсоюзной федерации строителей и деревообделочников коммунисту Рене Арашару.

С самого начала забастовки провокационно действовали лидеры правых социалистов. Так, министр почты и телеграфа «социалист» Эжен Тома пригрозил уволить всех служащих, которые не выйдут на работу. В ответ на это общенациональное профсоюзное объединение служащих почты и телеграфа призвало к участию в забастовке всех своих членов на всей территории Франции.

27 ноября в забастовке принимало участие уже 2 млн. рабочих и служащих, а в начале декабря — около 3 млн. человек. К этому времени забастовка охватила следующие основные отрасли промышленности: металлургическую, металлообрабатывающую, деревообделочную и строительную, каменноугольную, электрическую, энергетическую, химическую, пищевую, стекольную, кожевенную, керамическую, порты, доки, автодорожный, водный и железнодорожный транспорт, почту и телеграф, служащих торгово-промышленных и государственных учреждений.

Забастовка явилась наглядным проявлением возросшей сплочённости и боеспособности рабочего класса Франции. В течение трёх с половиной недель шла непрерывная борьба между бастующими рабочими и объединёнными силами реакции, в лагере которой лидеры правых социалистов занимали главенствующее место, выступая в гнусной роли штрейкбрехеров и палачей рабочего класса. Министр внутренних дел «социалист» Мок непосредственно руководил вооружёнными полицейскими отрядами, а министр обороны «социалист» Рамадье — военными частями, направленными против бастующих.

Занятые бастующими заводы, фабрики, депо, вокзалы, доки, электростанции, почтамты и другие учреждения осаждались вооружёнными полицейскими отрядами и военными частями и с боями переходили из рук в руки. Так, на вокзалах и в депо Парижского района схватки между бастующими и правительственными силами продолжались в течение недели. То же происходило в большинстве железнодорожных центров страны.

Настоящее сражение развернулось в главном угольном бассейне Франции — на шахтах департаментов Нор и Па-де-Кале, где против бастующих были брошены полицейские отряды, снабжённые слезоточивыми бомбами, и регулярные войсковые мотомехчасти. В то время как «социалист» Мок, торжествуя, возвещал с трибуны Национального собрания, что шахты департаментов Нор и Па-де-Кале заняты правительственными силами, шахтёры в самоотверженной борьбе снова захватили шахты и изгнали полицию. На шахтах Сеуль, где находятся крупнейшие химические заводы «Кюльман» и электростанция, бастующие, узнав, что правительством посланы войска для занятия этих предприятий, перекрыли дорогу непроходимыми препятствиями и остановили продвижение войск.

На электрохимических предприятиях Бараса правительственный отряд проник на заводской двор и сбил рабочий пикет. Тогда 10-тысячная армия бастующих заняла все цеха и закрыла заводские ворота; таким образом, отряд оказался в плену у бастующих. Для того чтобы вытеснить бастующих с заводов Рока — Тасси, по приказу Жюль Мока прибыли вооружённые полицейские силы. Рабочие разогнали полицейских струями холодной воды из брандспойтов. Полицейские забросали рабочих слезоточивыми бомбами, однако вынуждены были отступить, натолкнувшись при этом на другую засаду рабочих, которая также оказала им резкое противодействие.

Серьёзное столкновение между бастующими и правительственными силами имело место в Ницце, где 3 тыс. бастующих заняли здание почтамта и длительное время удерживали его в своих руках. Лишь после долгих усилий, ночью 3 декабря, при помощи прибывших военных подкреплений — отрядов сенегальских стрелков — полицейским удалось занять почтамт. Но борьба продолжалась и на следующее утро. Только прибывшим на грузовиках дополнительным военным частям удалось отсечь бастующих от здания почтамта. В Лионе текстильщики долгое время удерживали крупнейшие предприятия Жиле — Таон, несмотря на многочисленные атаки правительственных вооружённых отрядов.

Всеобщая забастовка сопровождалась мощными демонстрациями. Особенной силой отличались траурные демонстрации в честь рабочих, убитых во время столкновений с отрядами «социалистов» Мока — Рамадьё. В одном Валансьене более 40 тыс. пролетариев хоронили своих братьев, павших за дело рабочего класса.

Самоотверженная борьба рабочего класса оказала немалое влияние и на военные части, направляемые на подавление забастовки. Нередко солдаты отказывались стрелять в бастующих и присоединялись к демонстрациям. Так, например, было 29 ноября в г. Сент-Этьен, где войска, вызванные на помощь полицейским, ранившим около 100 демонстрантов, отказались выполнить приказ своего командования открыть стрельбу по толпе. Так было и в Бресте, куда для усмирения 10-тысячной демонстрации правительство прислало десант французского военного флота. Матросы встретили демонстрантов воинской командой почёта «смирно» и присоединились к демонстрации.

Для подавления забастовки были вызваны войска из французской зоны оккупации Германии. Не надеясь на свои войсковые части, правительство применяло цветные войска, а также отряды, на вербованные из военнопленных эсэсовцев. Так было, например, в угольном районе Анзена (департаменты Нор и Па-де-Кале), где рабочие заняли все шахты, вытеснив оттуда силы полиции. Утром 7 декабря город Анзен был объявлен на осадном положении. Сюда на грузовиках прибыл 10-тысячный отряд войск, сопровождаемый броневиками, с задачей занять шахты. Из солдат мало кто говорил по-французски. С криками «Heraus! Los mit den Sowjets!» они набросились на шахтёров и ранили более 50 человек. Против шахтёров города Брие (департамент Мерт-э-Мозель) действовал отряд наёмников предателя польского народа генерала Андерса.

Почти месяц длилась всеобщая забастовка. Трёхмиллионная армия пролетариев Франции с невиданным сплочением и мужеством открыто боролась против своих угнетателей. Сплочённость и беззаветность борьбы рабочего класса породили немалый страх в лагере империализма и его «социалистической» прислуги. Этот страх выразил генеральный секретарь французской социалистической партии Ги Молле. 19 ноября на специально созванной им пресс-конференции журналистов англо-американских

стран Ги Молле заявил: «Если американцы не окажут помощи третьей силе, в Европе не будет больше ни либералов, ни демократов»¹⁵.

Этот сигнал тревоги был услышан заокеанским боссом. Для руководства борьбой против рабочего класса в разгар забастовки в Париж прибыли коммивояжёры американского империализма — известный поджигатель войны Джон Фостер Даллес и представитель американской федерации труда Ирвинг Браун, которые олицетворяли собой союз государственного департамента и профсоюзных реакционных бонз США. При их участии лидерами блока реакционных партий был выработан общий стратегический план разоружения и разгрома рабочего класса.

План предусматривал экономические средства принуждения: нуждой и голодом лагерь империализма рассчитывал принудить рабочий класс к капитуляции. Кроме того реакция не преминула широко использовать и внеэкономические средства принуждения, которыми располагает современное буржуазно-полицейское государство.

Правительство Шумана — Рамадьё — Мока наряду с применением вооружённой силы по примеру своих заокеанских хозяев выработало и утвердило антирабочие законы. 4 декабря, после 100-часового бурного обсуждения, Национальное собрание 413 голосами против 183 голосов депутатов-коммунистов приняло законопроект, предложенный правительством, о так называемой «защите свободы труда». Этим законом на срок до 29 февраля 1948 г. отменялись статьи 414 и 415 уголовного кодекса, которые формально признавали право на забастовку. Во второй статье закона указывалось, что «всякий, кто путём угроз, насилия, самоуправства или мошеннических манёвров вызовет или будет поддерживать, попытается вызвать или поддержать прекращение работы, посягнёт или попытается посягнуть на свободное осуществление труда, будет подвергнут наказанию тюремным заключением от шести месяцев до пяти лет и штрафу от 1000 до 500 000 франков или одному из этих наказаний».

Антирабочие законы отменяли свободу профсоюзного объединения рабочего класса и его право на стачку — права, добытые вековой борьбой рабочего класса и зафиксированные в конституции буржуазной Франции.

Всякое, даже с точки зрения буржуазного права, легальное действие рабочего класса объявлялось актом «насилия и самоуправства»; посещение рабочими семей своих товарищей объявлялось актом «нарушения неприкосновенности жилища».

С помощью этих законов финансовая олигархия получила возможность путём всевозможных провокаций обрушить свирепые репрессии на рабочий класс. Недаром народ Франции называл эти антирабочие законы «злodeйскими законами» («la loi scélérates»).

Только одна коммунистическая партия боролась против этих законов. В течение

¹⁵ Цитировано по «L'Humanité» от 20 ноября 1947 года.

100 часов депутаты-коммунисты с трибуны Национального собрания разоблачали перед лицом французского народа и всего мира ложность буржуазной демократии и её социал-лакеев, инициаторов антирабочих законов.

Бурбонский дворец — здание, где заседало Национальное собрание, — и близлежащие улицы были оцеплены усиленными нарядами полиции и отрядами моторизованных военных частей. Ораторов-коммунистов по приказу председателя Национального собрания радикала Эррио под улюлюканье деголлерцев и лидеров правых социалистов лишали слова, стража стаскивала их с трибуны. Но вслед за удалённым на трибуну подымался другой депутат-коммунист и продолжал оборванную речь товарища.

Своей самоотверженной борьбой против антирабочих законов коммунистическая партия ещё раз показала, что она является последовательным и единственным защитником интересов рабочего класса и всего народа. С начала забастовки компартия мобилизовала все силы рабочего класса и трудящихся масс на помощь бастующим. Компартия вдохновляла рабочий класс в борьбе против объединённых сил реакции. Коммунисты, начиная от руководителей партии и кончая её рядовыми членами, возглавляли борьбу рабочего класса, постоянно находились среди бастующих, плечом к плечу с рабочими различных убеждений и взглядов выдерживали натиск полиции и «республиканской гвардии»¹⁶.

Через печать и на массовых собраниях коммунисты разъясняли рабочим смысл событий, раскрывали коварные планы реакции. На конкретных фактах борьбы компартия поднимала рабочий класс до понимания его ведущей роли в борьбе трудового народа за хлеб, свободу и национальную независимость. В связи с отставкой правительства «социалиста» Рамадье, смывого 20 ноября 1947 г. забастовкой, ЦК компартии Франции обратился к народу с воззванием¹⁷, в котором разъяснял, какое правительство нужно народу. «Нам нужно такое правительство, — говорилось в воззвании ЦК коммунистической партии Франции, — которое сможет возбудить творческую энергию народа и обеспечить трудящимся и их семьям достойную жизнь; правительство, которое сможет защитить национальную честь, независимость и безопасность Франции, демократическое правительство, в котором рабочий класс и его компартия будут играть решающую роль». «Правительство народа на службу народу» — таков был основной лозунг, который выдвинула компартия.

С пролетарской прямотой компартия говорила об опасности, которая нависла над рабочим классом и народом Франции. «Выбор, который ставит перед нами текущий момент, — это борьба или гибель: гибель рабочего класса, республики, гибель француз как свободного и независимого наро-

да, — говорил Морис Торез, обращаясь к народу. — Рабочий класс и народ Франции избрали борьбу. Они добьются торжества священного дела борьбы за свободу и хлеб за Францию и республику!»¹⁸.

Призывы компартии находили среди широких народных масс живой отклик и способствовали усилению бдительности по отношению к вражеским пронкам, спланивали трудящихся вокруг коммунистической партии.

Чтобы как-нибудь ослабить растущее влияние коммунистической партии, реакция пустила в ход самую разнузданную клевету. Позорное первенство и здесь принадлежало лидерам правых социалистов во главе с их вожаком Леоном Блюмом. 17 октября 1947 г. в речи в Зимнем Велодроме Блюм заявил, что во Франции «существует коммунистическая опасность, угрожающая личной и гражданской свободе»¹⁹, что он, Блюм, «не считает генерала де Голля тираном»²⁰. Таким образом вдохновитель «третьей силы» Блюм объявлял главной опасностью не фашистов из лагеря де Голля, а коммунистическую партию и идущие за ней демократические силы страны.

29 ноября, выступая в Национальном собрании, Блюм заявил, что Французской республике угрожает «международный коммунизм, который объявил войну французской демократии», что «во Франции создана партия, целью которой является отнять у национального суверенитета его основные права»²¹. Это говорил тот самый «патриот», который пресмыкался перед американским империализмом и отстаивал необходимость отказа от национального суверенитета!

Вслед за Блюмом незамаскированный агент американского империализма Д. Ф. Даллес квалифицировал всеобщую забастовку как результат «иностранного проникновения»²²; вслед за Блюмом французский офицёр газеты «Монд» называла всеобщую забастовку «скрытым иностранным вторжением»²³.

Правые социалисты не жалели сил для того, чтобы обогатить и облить грязью героическое выступление французского рабочего класса. Перефразируя известный термин американских поджигателей войны — «холодная война», — Блюм заявил, что всеобщая забастовка есть не что иное, как «проявление холодного бунта», рассчитанного на «уничтожение республиканских порядков»²⁴.

Ведя подготовку к принятию антирабочих законов, Блюм в своей газете «Попюлер» с лицемерием иезуита заверял, что «новый закон никоим образом не ограничивает ни права на забастовку, ни осуществления профсоюзных свобод»²⁵.

¹⁸ Там же, от 5 декабря.

¹⁹ Цитировано по «L'Humanité» от 6 декабря.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Цитировано по «La Croix» от 29 ноября 1947 года.

²³ Цитировано по «L'Humanité» от 6 декабря 1947 года.

²⁴ «Populaire» от 5 декабря 1947 года.

²⁵ Там же.

¹⁶ «Республиканская гвардия» — отряды, созданные правительством специально для борьбы против рабочего и демократического движения в стране.

¹⁷ «L'Humanité» от 21 октября 1947 года.

Однако, как ни вертелись лидеры правых социалистов, им пришлось публично признать, на какого хозяина они работают. Выступая в Национальном собрании, министр внутренних дел «социалист» Жюль Мок, прижатый к стенке депутатами-коммунистами, пытался оправдывать драконовские меры борьбы с забастовочным движением тем обстоятельством, что «забастовки мешают реализации «плана Маршалла»²⁶.

Именно в угоду американскому империализму «третья сила» Блюма — Рамадье — Мока забрасывала слезоточивыми бомбами и расстреливала рабочих.

Попытка реакции и её лакеев задавить рабочее движение «злодейскими законами» провалилась. После принятия этих законов количество забастовщиков ещё более возросло. В частности, в Париже после принятия антирабочих законов к забастовке присоединились рабочие электростанций, прекратили работу трамвайный транспорт, зрелищные предприятия, и столица Франции в течение нескольких суток была лишена света.

Таким образом, ни применение вооружённой силы, ни антирабочие законы, ни кампании разнузданной клеветы не принесли тех результатов, на которые рассчитывал лагерь империализма и его главная опора — лидеры правых социалистов.

Являясь важными составными частями плана реакции, и применённые вооружённой силы, и антирабочие законы, и клеветническая кампания против компартии не были, однако, направлениями главного удара. Главный удар реакции был рассчитан на подрыв единства рабочего класса, которое определяло силу, организованность и боеспособность пролетариата.

Рабочий класс Франции вступил во всеобщую забастовку при наличии единой Всеобщей Конфедерации Труда, в руководстве которой большинство принадлежало коммунистам. Кроме Всеобщей Конфедерации Труда, охватывающей 85-90% организованных рабочих страны, во Франции существовала и существует теперь Христианская конфедерация труда (ФХКТ) — профсоюзная организация, находящаяся под контролем реакционной католической партии МРП. Но при условии единства внутри Всеобщей Конфедерации Труда не имеющая сколь-нибудь значительного влияния в рабочем классе Христианская конфедерация труда не могла внести существенных изменений в соотношение борющихся сил. Поэтому центральная задача, которую ставил перед собой лагерь реакции, заключалась в том, чтобы расколоть единую профсоюзную организацию рабочего класса — Всеобщую Конфедерацию Труда; изолировать компартию от руководства ВКТ и, наконец, отделив компартию от руководства рабочим классом, передать ВКТ в «надёжные» руки социал-предателей, приспособить рабочее движение к нуждам «плана Маршалла».

Под руководством Блюма на протяжении двух лет, ещё до забастовки, в руководстве ВКТ сколачивалась реформистская группа. Издаваемая этой фракционной группой га-

зета «Форс увриер», возглавляемая сподвижником Блюма, матёрым социал-реформистом Леоном Жуо, выступила против решений ВКТ и развернула клеветническую кампанию против коммунистической партии Франции и Советского Союза. Своё прислужничество перед врагами рабочего класса раскольники маскировали истрёпанной ширмой социал-реформизма — «независимостью» профсоюзного движения.

Активнейшее участие специального агента Американской федерации труда И. Брауна и негласные поездки Жуо в Лондон свидетельствовали о том, какое значение придавал лагерь империализма этой раскольнической деятельности.

Для открытого выступления группа Жуо избрала наиболее напряжённый момент борьбы рабочего класса, когда вопрос руководства и координации действий отдельных профсоюзных федераций приобретал первостепенное, решающее значение.

Для начала группа раскольников во главе с Жуо сделала попытку завоевать большинство в руководящем центре ВКТ, в её Национальном комитете. Ещё в начале всеобщей забастовки, 12-13 ноября, Национальный комитет ВКТ собрался для обсуждения двух неотложных вопросов: о требованиях рабочих и мерах для их осуществления и о международной деятельности французской ВКТ.

Докладчик по первому вопросу, один из секретарей ВКТ, коммунист Ле-Брен, предложил ряд мероприятий, в том числе требование об установлении прожиточного минимума для рабочих не ниже 10 800 франков за 200 рабочих часов в месяц начиная с 1 ноября 1947 г. с соответствующими начислениями по коэффициенту существующей во Франции подвижной шкалы заработной платы и с соответствующей доплатой рабочим по многосемейности; требование об автоматическом пересмотре заработной платы через каждые 3 месяца для её выравнивания в соответствии с повышением цен.

Против резолюции Ле-Брена выступил раскольник Фреур, который отверг требование о необходимости доведения прожиточного минимума рабочих до 10 800 франков в месяц, мотивируя это тем, что экономические условия не дают возможности рабочему классу предъявлять такое требование. Эту жалостливую позицию по отношению к финансовым тузам поддержал Жуо, в то время бывший одним из генеральных секретарей ВКТ.

На голосование были поставлены две резолюции. Резолюция коммуниста Ле-Брена получила 832 голоса, а резолюция раскольников — 101 голос. Таким образом, по первому вопросу группа Блюма — Жуо потерпела поражение.

Сущность второго вопроса, который обсуждался на этом заседании Национального комитета, состояла в том, чтобы определить отношение ВКТ к «плану Маршалла». Докладчиком по этому вопросу был «сам» Жуо. Уже заранее из американской прессы и из «Попюлер» было известно о том, что Леон Жуо поддерживает «план Маршалла». Жуо мотивировал свою антидемократическую и антинациональную позицию поддержкой

²⁶ «Populaire» от 5 декабря 1947 года.

«плана Маршалла» тем, что Франция нуждается в сырье; что-де только США способны снабдить Францию всем, что ей необходимо, и, наконец, что-де Маршалл заявил, что американская «помощь» не преследует никаких политических целей.

Всё это было не чем иным, как перепевом демагогических проповедей Блюма, рассчитанных на то, чтобы завесой лжи скрыть от народных масс истинный характер и назначение «плана Маршалла». Ещё в ноябре 1947 г. Блюм писал в «Попюлер»: «Мирный ленд-лиз (le prêt-bail de la paix — так называл Блюм «великодушную помощь» США. — А. У.) имеет чисто экономический характер»²⁷. Блюм утверждал даже, что «осуществление помощи («плана Маршалла». — А. У.) было бы несомненно убыточно для американцев»²⁸. Такое лицемерие было редкостью даже для выдавшей виды реакционной печати Европы и США.

В то время как Блюм расхваливал «благородный», «чисто экономический», «бескорыстный» характер «плана Маршалла», газета «Монд» писала: «По правде говоря, американская цель является скорее политической, нежели экономической... Идентичность американских интересов с интересами Западной Европы — таков великий аргумент, которым господин Маршалл будет защищать свой план перед Конгрессом... Маршалл не скрывает, что эта общность интересов своим остриём направлена против СССР»²⁹.

Лидеру реакционного синдикального реформизма Леону Жуо надлежало предпринять практические шаги к осуществлению центральной задачи реакции — расколоть и «маршаллизировать» массовое рабочее движение во Франции.

Началом практического осуществления этой задачи и была вылазка группы Жуо на пленуме Национального комитета ВКТ 12—13 ноября 1947 года. Выступивший по докладу Жуо генеральный секретарь ВКТ коммунист Бенуа Фрашон подверг уничтожающей критике антинациональную и антипролетарскую политику группы Блюма — Жуо, после чего на голосование были поставлены две резолюции. Резолюция раскольника Ботеро получила 101 голос, резолюция коммуниста Люне — 857 голосов. Таким образом, и по второму основному вопросу, обсуждавшемуся на пленуме Национального комитета ВКТ, группа раскольников Блюма — Жуо потерпела провал. Попытка раскольников перетянуть на свою сторону большинство в центральном органе ВКТ была полностью разбита.

Руководимая коммунистами во главе с Бенуа Фрашоном французская Всеобщая Конфедерация Труда солидаризировалась с позицией, которую заняли советские профсоюзы в известном заявлении ВЦСПС по поводу «плана Маршалла».

Осудив забастовку и показав себя яркими прислужниками американского империализма, 5 секретарей ВКТ во главе с Жуо (из 13 секретарей, составляющих бюро Нацио-

нального комитета) вышли из состава бюро и призвали членов профсоюза к выходу из ВКТ³⁰.

Раскольники надеялись, что уход 5 секретарей-социалистов в момент напряжённой борьбы рабочего класса приведёт к изоляции коммунистов в профсоюзах и создаст затруднения в формировании руководящего центрального органа ВКТ. Лидеры раскола надеялись на свой авторитет в профсоюзном движении, на свою независимость. Но и здесь они просчитались: замена ушедших из бюро ВКТ главарей раскола произошла без каких-либо затруднений. Генеральный секретарь ВКТ Жуо был заменён руководителем общенациональной профсоюзной федерации служащих беспартийным Аленом Ле-Леан; остальные — тремя социалистами и одним беспартийным. Таким же образом была совершена замена руководства и в тех нескольких профессиональных организациях, где раскольники покинули свои посты.

В ходе всеобщей забастовки фракционная группа «Форс уvrier» действовала совместно с Христианской конфедерацией труда, развернув штрейкбрехерскую деятельность, типичную для желтых профсоюзов.

26 ноября 1947 г., спустя 2 недели после начала забастовки, члены бюро ВКТ были приняты премьер-министром Рамадье, правительство которого доживало свои последние дни. Рамадье поставил в известность бюро ВКТ о том, что правительство отказывается удовлетворить требования рабочих о повышении заработной платы на 25% с 1 ноября 1947 г. и согласно лишь, в связи с возросшей дороговизной, утвердить месячную доплату в сумме 1500 франков начиная с 24 ноября 1947 года. Принятие этих предложений правительства означало бы урезку заработной платы бастующих рабочих по сравнению с теми рабочими, которые не принимали участия в забастовке. Правительство отказывалось удовлетворить основное требование рабочих. Из переговоров выяснилось, что правительство Рамадье стремится блокировать заработную плату, не затрагивая роста цен на предметы первой необходимости.

Бюро ВКТ довело до сведения профсоюзных организаций результаты переговоров с правительством. Двадцать профсоюзных федераций, к которым принадлежало большинство бастующих рабочих, отвергли предложения правительства Рамадье и призвали рабочий класс к продолжению забастовки. Наперекор большинству профсоюзных федераций, главари раскола обратились к рабочим с воззванием, в котором ратовали за принятие правительственных предложений и призвали рабочих путём тайного голосования решить вопрос об отказе от продолжения забастовки.

Призыв к прекращению забастовки, к принятию предложений правительства, которое не делало никаких попыток достигнуть соглашения с представителями рабочего клас-

²⁷ Цитировано по «France Nouvelle» № 100 за 1947 год.

²⁸ Там же.

²⁹ «Monde» от 11 ноября 1947 года.

³⁰ Вместе с Леоном Жуо из бюро Национального комитета ВКТ вышли следующие генеральные секретари: Ботеро, Деламар, Неймейер, Бузанке.

т.е. означал, что раскольническая группа «Форс увриер» не только идёт против большинства рабочего класса, но и стремится отбастующих истинный смысл предостережений правительства, посеять раздор в рабочем классе, деморализовать борющуюся активную армию рабочего класса и выдать её с головой лагерю реакции.

Как и правительство, группа «Форс увриер» провокационно рассчитывала сыграть на вслуханном послевоенном общении рабочего класса, на том, что 2-недельная забастовка ещё больше усугубила нужду бастующих рабочих и их семей. Но рабочий класс Франции показал свою политическую зрелость и высокое пролетарское сознание: несмотря на нищету и лишения, он не поддавался на провокации раскольников.

Против рабочих была пущена в ход самая грубая моральная диверсия. Блюмовская печать, радио, министры-социалисты изо дня в день твердили, что число участников забастовочного движения всё время уменьшается, что рабочие везде высказываются против забастовки и только «меньшинство» («коммунистическое меньшинство») силой не даёт рабочим приступить к работе.

По указке Блюма и его сообщников раскольники с помощью предпринимателей и полиции пытались инсценировать тайное голосование. Так, например, радио и газеты возвестили, что 75% шахтёров Мозеля якобы тайным голосованием постановили прекратить забастовку и приступить к работе. Премьер-министр Рамадэ даже выступил по радио с приветствием к этим рабочим. Но шахтёры Мозеля разоблачили этот грубый обман и его инцидаторов.

На шахтах Мозеля, где занято 25 тыс. рабочих, раскольникам удалось привлечь к участию в тайном голосовании 2 тыс. шахтёров, из них 1500 высказались за продолжение забастовки, и только 500 — за её прекращение. 500 из 25 тыс. — таквыте «75%», которые фигурировали у «социалистических» фальшивомонетчиков.

Скандалный провал этой затеи стал явным, когда через несколько дней после проведения референдума на шахты Мозеля были присланы штрейкбрехеры под охраной пулемётов. Не имея успеха референдум и на заводах Рено. В течение нескольких дней печать и радио всячески уговаривали рабочих провести референдум о прекращении забастовки. В назначенный день место проведения референдума было заполнено полицейскими. Количество рабочих, пришедших для участия в референдуме, было настолько незначительно, что и реакционная печать и радио не осмелились огласить итоги этой провалившейся инсценировки. Чтобы выйти из неловкого положения, пришлось объявить о переносе даты референдума.

Бастующие вынуждены были вести борьбу не только с полицией и правительственными войсками, но и принимать меры к тому, чтобы помешать проникновению штрейкбрехеров, которых поставляла раскольническая группа Жюо совместно с христианскими профсоюзами. На заводах «Вижиланс ше Террен» рабочие сварили металлом заводские ворота и таким образом не допустили проникновения штрейкбрехе-

ров, прибывших под защитой вооружённой охраны.

Как указывалось выше, группа раскольников «Форс увриер» выступила против большинства Всеобщей Конфедерации Труда под обветшалым флагом реакционного социал-реформизма, под флагом «независимости» профсоюзов от политических партий.

Подобно тому, как эта, по выражению Ленина, «живая и подлая увёртка... помогла буржуазии овладеть массами в 1914—1918 годах»³¹, теперь идея «нейтральности» профсоюзов должна была помочь реакции подчинить массы интересам американского империализма. Именно поэтому правительство, предприниматели и директора заводов оказывали поддержку раскольникам, помогали им вербовать новых членов из наиболее отсталых слоёв рабочего класса.

Не считая тех денежных средств, которыми открыто и скрыто агент Американской федерации труда И. Браун подкупал сторонников Блюма — Жюо, правительство лишь за 2 месяца выдало раскольникам субсидию в размере 40,5 млн. франков — факт, неслыханный в более чем полувековой истории Всеобщей Конфедерации Труда. Даже в те времена, когда в ней господствовали реформисты и анархо-синдикалисты, не было случая, чтобы правительство субсидировало профсоюзный центр. Это ещё одна, довольно характерная деталь, свидетельствующая о том, как выглядела на деле независимость профсоюзов в понимании клики Блюма — Жюо.

19 декабря 1947 г. 250 профсоюзных работников во главе с Жюо собрались в Париже для организационного оформления своей раскольнической группы. Реакционная печать Европы и Америки, в особенности печать правых социалистов, встретила это событие с восторгом. Отмечалось, что факт раскола ВКТ является самым значительным событием во Франции после второй мировой войны; что руководимая коммунистами ВКТ переживает «развал и полное уничтожение». Эта версия усиленно раздувалась блюмовской «Попюлер» и органом раскольников «Форс увриер». Они оповестили сначала, что «Форс увриер» насчитывает якобы 1 млн. членов, потом цифра сторонников «Форс увриер» была легко доведена неистовой фантазией главарей раскола до 2 млн. членов.

«Форс увриер» заявляла о своих блестящих успехах у шахтёров. Сообщалось, что якобы на шахтах Па-де-Кале за раскольниками последовало 60 тыс. человек и что у ВКТ осталось лишь 100 тыс. членов. Затем «Форс увриер» сообщила о росте числа своих сторонников среди шахтёров до 115 тыс. и даже до 150 тысч.

Пока главари «Форс увриер» занимались этими фантастическими подсчётами, Всеобщая Конфедерация Труда на 1 января 1948 г. выдала шахтёрам 307 тыс. членских билетов против 202 тыс., выданных на 1 января 1947 года³². Состоявшиеся затем по всей

³¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 393.

³² «Бюллетень Всемирной федерации профсоюзов» № 1 за 1948 год.

стране выборы депутатов в административные советы шахт показали провал группы Блюма — Жуо и их хозяев: 306 избранных делегатов принадлежали к ВКТ; только 3 делегата были сторонниками «Форс увриер»; ни один из кандидатов христианских профсоюзов не был избран. Такие же убийственные поправки в расчёты лагеря реакции внёс рабочий класс Франции в целом. В ВКТ входят 95 департаментских профсоюзных объединений. Только в 5 из них большинство руководства поддержало группу Жуо, но и здесь профсоюзная масса не пошла за раскольниками.

Так же обстояло дело и в отраслевых профсоюзных федерациях. Из 36 отраслевых федераций только в 4 большинство руководства примкнуло к раскольникам. В федерации служащих частных предприятий, где насчитывалось 200 тыс. членов ВКТ, лишь 50 тыс. ушло к раскольникам; в федерации служащих государственных финансовых учреждений из 60 тыс. членов профсоюзов 35 тыс. сразу же присоединилось к руководству ВКТ. В федерации коммунальников из 80 тыс. членов ВКТ раскольникам удалось привлечь на свою сторону около половины состава; то же произошло в федерации служащих (по преимуществу чиновников) авиационного, военного и морского министерств, насчитывающей 12 тыс. членов³³. В федерации работников табачной промышленности и в федерации работников общественных учреждений и здравоохранения руководство перешло на сторону «Форс увриер». Но члены профсоюзных организаций этих 2 федераций не только не последовали за своим прежним руководством, но тут же избрали новое руководство, верное ВКТ. Остальные 30 федераций, которые охватывают почти весь состав рабочего класса, остались верными ВКТ, и вопрос о несогласии с руководством ВКТ в этих федерациях совсем не возникал. При этом надо иметь в виду, что многие из примкнувших, вначале к раскольникам, будучи обмануты клеветническими заверениями клики Блюма — Жуо, полагают, что, уходя из ВКТ, они способствуют защите «независимости» профсоюзов. Но в ходе дальнейшей борьбы рабочего класса они убедились в том, какова подлинная сущность «независимости» клики Блюма — Жуо, и вернулись в ВКТ.

Таким образом, победные реликвии о баснословной численности «Форс увриер» представляли собой лишь пропагандистскую «утку». Официальные наблюдатели Англии и США в своих отчётах определяли членский состав «Форс увриер» примерно в 300 тысяч³⁴. Но даже и эту цифру взял под сомнение не кто иной, как И. Браун. Агент государственного департамента США и Американской федерации труда, специализирующийся на подрыве единства рабочего класса в «маршаллизованной» Европе, под руководством которого проходила орга-

низация раскольнической группы «Форс увриер», Браун заявил на последнем съезде АФТ, что «Форс увриер» — это призрак.

Конечно, было бы ошибочным недооценивать значение создания раскольнической профсоюзной организации: несмотря на её малочисленность, создание «Форс увриер» затруднило борьбу рабочего класса. Но в решающем и главном вопросе — в напряжённой и острой борьбе за политическое влияние на рабочий класс — лагерь империализма потерпел поражение. План реакции, рассчитанный на то, чтобы при помощи своих агентов в рабочем классе «маршаллизировать» рабочее движение, полностью провалился. В борьбе за профсоюзное единство рабочий класс ещё более окреп, политически закалился и подтвердил свою верность свободно избранному, испытанному руководству коммунистов.

В 1906 г. в тифлисской профсоюзной газете «Ахали Дроеба» («Новое Время») товарищ Сталин писал: «Ясно, что если пролетариат не может обойтись без политической борьбы, он не может обойтись и без идейного руководства той или иной политической партии. Больше того, он сам должен искать такую партию, которая достойным образом поведёт его союзы в «обетованную землю», к социализму. Но тут пролетариат должен быть начеку и действовать осмотрительно. Он должен внимательно разобраться в идейном багаже политических партий и свободно принять идейное руководство такой партии, которая мужественно и последовательно будет защищать его классовые интересы, которая будет высоко держать красное знамя пролетариата и смело поведёт его к политическому господству, к социалистической революции»³⁵.

Тот факт, что в тяжёлой неравной борьбе, полной лишений и нужды, рабочий класс Франции подтвердил свою верность руководству коммунистической партии, показывает высокое пролетарское сознание французских рабочих и свидетельствует об исторической победе коммунистической партии Франции над врагами рабочего класса.

«Если рабочий, знающий по опыту, что такое нищета, смело идёт ей навстречу с женой и детьми, месяцами переносит голод и нужду и остаётся твёрдым и непоколебимым, то это поистине не бездельца»³⁶, — писал Энгельс в своей работе «Положение рабочего класса в Англии».

В исключительно тяжёлых условиях более 3 млн. французских рабочих на протяжении почти целого месяца отражали натиск объединённых сил империалистической реакции. Несмотря на то, что ущерб, который нанесли промышленности длительная забастовка, намного превосходил расходы, которые вызвало бы удовлетворение справедливых требований рабочих, правительство и его прислужники сознательно стремились затянуть

³³ См. газету «Правда» от 15 марта 1948 года.

³⁴ См. газету «За прочный мир, за народную демократию!» № 7 от 1 апреля 1949 года. Б. Фрашон. Обострение классовой борьбы во Франции.

³⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 284.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 507.

забастовку. Реакция надеялась на то, что она голодом принудит бастующих рабочих к капитуляции. Поэтому предложения правительства носили заведомо неприемлемый для рабочих характер. Однако своей упорной борьбой рабочий класс заставил правительство пойти на значительные уступки. 6 декабря 1947 г. правительство предложило бастующим новые условия: оно соглашалось на доплату 1500 франков всем рабочим. Правительство согласилось также на доплату 800 франков для всех рабочих, которые приступят к работе 10 декабря 1947 года. Правительство согласилось довести минимальную часовую оплату до 52,5 франка вместо прежних 42,5 франка, что означало доведение прожиточного минимума до 10 500 франков в месяц. Хотя эта сумма была ниже того прожиточного минимума, который отстаивала ВКТ (10 800 франков), однако она намного превышала предшествующие варианты правительства. Кроме того правительство согласилось увеличить доплату многосемейным рабочим на 22%.

Правительство отказалось от прежнего намерения блокировать заработную плату до 1 июня 1948 г. и признало, что устанавливаемая заработная плата будет считаться неизменной до 1 июня 1948 г. лишь при условии стабильности цен.

Однако правительство отказалось удовлетворить одно из основных требований ВКТ — гарантировать покупательную способность заработной платы путём её автоматического пересмотра применительно к росту цен.

Перед руководством ВКТ встала необходимость решить неотложный вопрос о целесообразности продолжения забастовки. Ответ на этот вопрос зависел в первую очередь от состояния сил рабочего класса. К концу первой декады декабря 1947 г. в забастовке участвовало более 1,5 млн. человек. Полностью бастовали горняки и портовые рабочие — основной костяк забастовки. В разгаре была забастовка в металлургической промышленности и среди строителей в крупных промышленных центрах. Но положение в других отрядах рабочего класса диктовало необходимость организованного завершения забастовки. Применением вооружённой силы правительству удалось разъединить бастовавших железнодорожников. Такое же положение создалось в электроэнергетической промышленности. Рабочие электростанций, особенно удалённых от промышленных центров, не могли оказывать длительного сопротивления превосходящим силам полиции и военных частей. Вытеснив бастующих из электростанций вооружённой силой, правительство использовало вместо рабочих специальные армейские части. Вынужденное отступление отдельных отрядов рабочего класса создавало угрозу разъединения всеобщей забастовки.

С другой стороны, предательство группы Жюу усложнило борьбу рабочего класса. Своими раскольническими действиями в наиболее острый период всеобщей забастовки возглавляемая Жюу «Форс увриер» сыграла предательскую роль, открыв фронт врагу с тыла и позволив ему вклиниться в

боевые порядки борющейся армии рабочего класса.

Наличие 2 штрейкбрехерских профсоюзных организаций — Христианской конфедерации труда и «Форс увриер», — несмотря на их малочисленность, свидетельствовало о том, что в среде рабочего класса лагерь империализма располагает каналами, по которым будет идти вражеское проникновение в ряды борющихся рабочих. В частности, стало известно, что Жюу готовится выступить со специальным обращением к бастующим, призывая их немедленно прекратить забастовку и приступить к работе. Этим манёвром группа раскольников пыталась взять реванш за поражение во Всеобщей Конфедерации Труда. Осудив забастовку, не сумев вырвать инициативу ни в начале забастовки, ни в ходе её, группа Жюу пыталась теперь вырвать из рук ВКТ и Центрального Стаечного Комитета руководство завершением забастовки.

При таком положении задача, которая встала перед руководством ВКТ, состояла в том, чтобы до конца сохранить руководство всеобщей забастовкой и завершить её организованным отходом пролетарской армии. Исходя из интересов рабочего класса, руководство ВКТ и Центральный Стаечный Комитет приняли решение о прекращении забастовки 10 декабря 1947 года.

В специальном обращении к трудящимся Франции руководство ВКТ и Центральный Стаечный Комитет подвели итоги 27-дневной героической борьбе французских рабочих и разъяснили рабочим причины, которые вызвали необходимость прекращения забастовки.

Утром 10 декабря на предприятиях были проведены митинги, на которых был прочитан манифест-обращение ВКТ и Центрального Стаечного Комитета, после чего рабочие с пением «Марсельезы» и революционных песен организованными колоннами двинулись в цехи, где каждый занял своё прежнее рабочее место.

Ноябрьско-декабрьская всеобщая забастовка 1947 г. оказала глубокое влияние на всю последующую борьбу между лагерем демократии и лагерем империализма во Франции. Забастовка усилила экономическую неустойчивость французской финансовой олигархии, она обострила и политический кризис в лагере реакции. В течение 11 месяцев (ноябрь 1947 — сентябрь 1948), т. е. в период наибольшего развития забастовочного движения, во Франции сменилось 4 правительства.

Одно оставалось неизменным во всех этих сменявших друг друга правительствах долларовой блока: наряду с деголлемцами и лидерами МРП правящие круги неизменно сохраняли в качестве министров лидеров правых социалистов. При этом лагерь реакции так расставлял свои силы, что наиболее ответственные участки борьбы, которые непосредственно соприкасались с рабочим и демократическим движением, возглавлялись лидерами правых социалистов. Это показывало, что борьба рабочего класса до предел

сузило возможность маневрирования для официальных партий французской финансовой олигархии.

С другой стороны, то обстоятельство, что лагерь империализма передоверил полностью руководство подавлением рабочего движения лидерам правых социалистов, вынудило последних обнажить перед народными массами своё подлинное обличье, ибо острота классовой борьбы и рост сплочённости рабочего класса вокруг коммунистической партии не оставляли места для незуитских уверток Блюма и его клики.

Правые социалисты вынуждены были выступить против наиболее существенного и наиболее популярного требования рабочего класса — о гарантировании покупательной способности заработной платы; они выступили как инициаторы и ярые защитники проведения антирабочих «злостных законов»; они выступили как раскольники единства рабочего класса и штрейкбрехеры; они выступили, наконец, как прямые палачи рабочего класса.

Таким образом, послевоенное массовое движение рабочего класса не только сузило возможности маневрирования для официальных партий финансовой олигархии, — оно, это массовое рабочее движение, сузило возможности маневрирования и для основной опоры финансовой олигархии — лидеров правых социалистов.

Товарищ Сталин давно вскрыл, в чём состоит сила реформистов в рабочем движении, и указал коммунистическим партиям Запада тот путь, следуя по которому они должны добиться осуществления единства рабочего класса. «Сила социал-реформистов в рабочем движении состоит не только в том и даже не столько в том, что они имеют в своём распоряжении социал-демократические партии, а, главным образом, в том, что они опираются на профессиональные союзы рабочих. Стоит только лишить их этой опоры и они повиснут в воздухе»³⁷.

Коммунистическая партия Франции, выполняя это указание товарища Сталина, лишила реформистов опоры в ВКТ, и социал-реформисты действительно повисли в воздухе. ВКТ — самое массовое профсоюзное объединение Франции, в котором более четырёх десятилетий господствовали реформисты и анархо-синдикалисты, — стала опорным пунктом борьбы за пролетарское единство, за национальную независимость, за демократию и мир. Значение этой исторической победы коммунистической партии Франции трудно переоценить.

Конечно, это ни в коей мере не означает, что опасность реформизма снимается во Франции с повестки дня. Наоборот, борьба с основной опасностью поражения Франции американским империализмом и ликвидация угрозы со стороны деголлерцев настоятельно требуют дальнейшей изоляции лидеров правых социалистов от масс. Этот процесс изоляции трудящихся масс от социал-предателей ещё не завершён. Но подлинная сущность предательской политики

правых социалистов всё явственнее выступает перед трудовыми массами.

Социалистическая партия по своему социальному составу всё больше и больше превращается в разнородную смесь буржуазных и мелкобуржуазных элементов и так называемых лиц свободных профессий.

В 1928 г. Блюм в своей газете «Попюлер» с циничностью профессионального фальшивомонетчика поучал своих сообщников: «Наша борьба против большевизма никогда не должна доводиться до той черты, где мы сможем столкнуться с инстинктами и традициями рабочего класса... Мы должны остерегаться показать себя союзниками организуемого во Франции крестового похода против коммунизма»³⁸.

Однако объективный ход классовой борьбы всё больше и больше лишает правых социалистов возможности «регулировать» своё двурушничество.

Торжество социализма в СССР, победа, одержанная советским народом в Великой Отечественной войне, возникновение государств народной демократии в Европе и Азии — все эти победы всемирно-исторического значения явились блестящим доказательством правоты учения Ленина — Сталина, правоты коммунизма.

Блюмы, Рамадье, Моки и им подобные вынуждены не только переходить те границы, где они «сталкиваются с традициями и интересами рабочего класса и народа», но и брать на себя роль непосредственных палачей рабочего класса, предателей национальных интересов народа. Это вынужденное саморазоблачение лидеров социалистической партии ускоряет процесс высвобождения той части трудящихся, которую лживыми посулами ещё удаётся обманывать лидерам социалистической партии.

Всё это свидетельствовало о дальнейшем ослаблении реакционного лагеря во Франции. В противоположность этому стачечные бои, проведённые рабочим классом, способствовали укреплению и активизации сил демократического лагеря. Это выразилось прежде всего в укреплении единства и росте сил самого рабочего класса — стенового хребта демократического лагеря страны.

В своём докладе на Информационном совещании представителей некоторых компартий в сентябре 1947 г. А. А. Жданов подчеркнул, что «главная опасность для рабочего класса сейчас заключается в недооценке своих сил и в переоценке сил противника»³⁹.

Стаечные бои, проведённые рабочим классом, обострили кризис в лагере врага, сделали наглядным его неустойчивость, укрепили веру рабочего класса в свои силы, умножили ряды пролетарской армии, которая ещё теснее сплотилась вокруг коммунистической партии Франции.

Укрепление сил демократического лагеря проявилось и в том, что забастовочное дви-

³⁸ «Populaire» от 8 мая 1928 года.

³⁹ Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года, стр. 47. Огиз. Госполитиздат. 1948.

жение всколыхнуло все трудящиеся непролетарские слои населения Франции, усиливало их активную помощь рабочему классу. Кампания помощи бастующим проводилась по всей стране. Во многих городах на средства трудового населения были организованы столовые, где бастующие и члены их семей бесплатно получали питание. В кампанию помощи включились и крестьяне, и мелкие собственники города, и мелкие торговцы, и интеллигенция. Население принимало в свои семьи детей бастующих и содержало их на протяжении всей забастовки. Передовая интеллигенция проводила на предприятиях конференции солидарности с бастующими. В этих конференциях принимали участие видные учёные, артисты, режиссёры, журналисты, врачи и т. д. В ряде мест группы врачей оказывали бесплатную медицинскую помощь бастующим и членам их семей.

Провалилась попытка реакции противопоставить рабочему классу трудовые крестьянские массы. На призыв рабочего класса французская деревня откликнулась массовым сбором продуктов для бастующих. Представители бастующих, направляемые в сельские местности для закупки продуктов питания, привозили их в таких количествах, которые намного превышали затраченные суммы. Во многих деревнях крестьяне по собственному почину бесплатно передавали продукты бастующим.

Всеобщая забастовка 1947 г. по размаху, массовости, характеру и тем задачам, которые она решала, явилась самым значительным событием в истории послевоенной Франции.

Именно потому, что этой забастовкой руководили коммунисты, что французская коммунистическая партия смогла организовать поддержку бастующих рабочих со стороны широких слоёв непролетарского трудового населения города и деревни — именно поэтому всеобщая забастовка опрокинула попытку империалистической реакции уже тог-

да расчистить путь к власти деголлевскому неофашизму. Материальную и моральную поддержку борющемуся французскому пролетариату оказали рабочие и прогрессивные демократические силы других стран.

Величайшее значение всеобщей забастовки 1947 г. состоит, наконец, в том, что она подтвердила, что подавляющее большинство французского рабочего класса идёт за коммунистической партией. Этот факт, имеющий решающее значение для всей дальнейшей борьбы рабочего класса и демократического движения, для будущего страны в целом, является известным итогом всей предшествующей борьбы французской коммунистической партии за сплочение сил рабочего класса и трудящихся масс.

Сорок два года тому назад, обращаясь к рабочим России, товарищ Сталин говорил: «Мы должны открыто выступать против буржуазии, мы должны всё время, до окончательной победы, держать её под страхом! А для этого требуется... крепкая массовая организация, могущая повести рабочих на борьбу»⁴⁰.

Сплочённый в общенациональную массовую профсоюзную организацию — Всеобщую Конфедерацию Труда, охватывающую 85—90% организованных рабочих страны, — руководимый своей закалённой в борьбе коммунистической партией, французский рабочий класс поистине держит в постоянном страхе своих эксплуататоров вместе с их заокеанскими повелителями и «социалистической» челядью.

Стачная борьба французского пролетариата приобрела исключительное международное значение, сливаясь с мощной борьбой французского трудового народа, во главе с рабочим классом и коммунистической партией Франции, за демократию, за мир, против поджигателей новой мировой войны.

⁴⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 112.